

ДЕРЖАВНОСТЬ И РАЦИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Разнообразные подвижки в системе современных международных отношений от возрастания роли сырья до смены моделей рисков и вызовов экологического алармизма заставляют правительства наиболее развитых стран уточнять и корректировать параметры векторов стратегических ценностей и распределения ресурсов. В этих условиях любая ошибка в оценках, диктующая вместо взвешенного и учитывающего все основные риски пути моностратегию, может оказаться имеющей далеко идущие последствия.

«Держава» – обозначение, наиболее часто используемое российскими лидерами в отношении нашей страны. Оно фигурирует в российском гимне, в концепции внешней политики, в президентских посланиях, в выступлениях руководителей страны. При этом используется широкий ряд определений от эмоционально-окрашенных («великая», «священная») до позиционных («энергетическая»). Кремлевские идеологи регулярно употребляют понятие «энергетическая сверхдержава», заявляя, что России нужно повышать свою конкурентоспособность, в первую очередь, за счет развития ТЭК, составляющего основу нашей экономики. Таким идеологам вторят авторы, утверждающие, что сегодня у страны нет более важного дела как стать великой державой¹. Вместе с тем, далеко не все граждане страны уверены, что к этой цели стоит стремиться².

Известно, что смысловым склейкам «величия-порядка» и «демократии-свободы» соответствуют известные стереотипы исторического сознания: «мы побеждали благодаря сильному государству, духовности, готовности беззаветно служить Родине, а проигрывали, когда поддавались иноземному влиянию» и «наше величие не на полях сражений, а в культуре, науке, искусстве, технологии, обретенных благодаря Европе, проигрывали же мы из-за депотического азиатского государства»³.

Не секрет, что разговоры о величии и светлом будущем нередко служат идеологическим прикрытием для нерешаемых повседневных проблем и трудностей. Россия уже имеет соответствующий опыт. Некогда, во времена своего становления, коммунистический режим легитимировал моностратегию с помощью утопии. Ликвидация всех свобод и изоляция от внешнего мира оправдывались тем, что мы строим новый мир для всего человечества. Но с течением времени даже идеалистам становилось ясно, что в мощной сверхдержаве людям живется значительно хуже, чем во многих других странах. В итоге в качестве сверхцели, оправдывающей существование режима, было взято то, что перед этим рассматривалось как средство для достижения цели – Советское государство как таковое. Сакрализации подверглось не только само понятие державы, но и процесс ее построения: индустриализация, победа в войне, создание «социалистического содружества», достижение ядерного паритета с США, космические успехи и т.д.⁴ Оказалось, что разрыв между высокими целями и проблемами повседневного бытия, не цементируемый жесточайшей цензурой и изоляцией инакомыслящих, фатален. Результатом стало крушение сверхдержавы.

В настоящее время мы снова наблюдаем, как «державность» ставится во главу угла внешней политики и находится немало любителей, сливающих понятие «держава» с понятием «отечество» в единый синонимичный ряд с присвоением им сакрального происхождения⁵. В этой связи деконструкция понятий «держава» и «державность» представляется весьма своевременной.

Державность и великодержавность: подходы к определению понятий.

Согласно БСЭ, «держава» произошло от древнерусского «държа» – владычество, могущество и обозначает независимое, самостоятельное государство. Второе значение слова – символ власти монарха, золотой шар с короной или крестом. Среди значений этого понятия в «Толковом словаре русского языка» Д. Ушакова, можно выделить два: независимое государство, имеющее влияние в международных делах, а также государственная власть, владыче-

ство. Такие трактовки дают основания заключить, что держава – это независимое государство, ведущее самостоятельную внешнюю политику, обладающее заметным влиянием в международных делах.

К числу наследий прошлого века относится понятие «великая держава», в наши дни в значительной степени утратившее свое мистическое величие. «Великие державы» – широко принятое обозначение наиболее мощных государств, которые, благодаря своему военно-политическому потенциалу, оказывают определяющее влияние на систему международных отношений⁶. Однако в наши дни в науке о международных отношениях до сих пор не существует четкого определения этого понятия. Нет ясности и в отношении его международно-правового статуса. С 1815г., когда в документах Венского конгресса термин «великие державы» впервые приобрел международно-правовое измерение, не менялась его формулировка, несмотря на то, что международные отношения претерпели значительные изменения, а система ролей с тех пор заметно усложнилась.

Представители либерального направления международно-политической науки считают, что век «великих держав» прошел, понятие более не актуально. Статус, характеристики и системные функции «великих держав» не определены, что дает простор для спекуляций. В разные времена великодержавный статус страны определялся разными факторами. В эпоху глобализации, когда страны мира опутаны множеством значимых для их существования многомерных взаимосвязей, представляется неправомерным прибегать к упрощенной структуре государств на международной арене, не учитывая новых показателей влияния. Наряду с прежними показателями и лидерами, появились новые переменные влияния и новые страны, на него претендующие. В настоящее время существуют различные подходы к определению великой державы:

- «Великие державы» не обладают специфическими признаками, а само понятие служит исключительно для указания на суверенитет страны и ее особость, на способность действовать по постановке и решению мировых проблем¹. По сути, это способ организации направленности общественного сознания.
- Державу делает великой размер ее территории, численность ее населения, ее историческое прошлое. Подобные критерии в наше время всерьез не обсуждаются, здесь достаточно вспомнить недавнее прошлое Индии и Китая.
- Державу делает великой наличие у нее сильной армии, в частности, большого ядерного арсенала. Этот критерий часто приводят представители школы политического реализма, цитируя А. Тейлора «державу делает великой ее военная мощь»⁷. Это так, однако, встает вопрос о необходимости и достаточности этого фактора в силу ряда причин: не все ядерные державы принято считать великими (Индия, Пакистан); наличие у России ядерного потенциала не мешает Западу относить ее к региональным державам; наличие ядерного оружия провоцирует дополнительные попытки внешнего вмешательства; отсутствие ядерного оружия не препятствует возрастанию роли в международных отношениях новых индустриальных стран.
- Наличие у страны субъективного фактора – мессианской идеи. Сложность в том, что ей обладают многие государства, но далеко не все из них можно признать великими державами. Бывает и наоборот, что заставляет вспомнить басню Крылова о Слоне и Моське.
- Существует набор потенциалов, дающих этот статус: политический, экономический, культурный, военный, и т.д., – которые позволяют стране входить в ограниченный клуб стран, определяющих мировую ситуацию, будь то Совет Безопасности ООН или «большая восьмерка». При этом совокупная мощь конкретной великой державы, превосходя совокупную мощь многих других государств, развита неравномерно⁸. В связи с этим формируются понятия «великая экономическая держава», «великая ядерная держава», «великая морская держава» и т.п., позволяющие выделить конкретный аспект преобладающей мощи данного государства в сравнении с другими государствами. Такой подход позволяет структурно выделить понятие

«сверхдержава» – государство, обладающее превосходящей совокупной мощью и способностью оказывать определяющее влияние на международную ситуацию. Российская политическая элита ищет аргумент, подтверждающий статус страны как великой державы глобального уровня – так появился термин «энергетическая сверхдержава». Очевидно, приставка «сверх» тут является исключительно пропагандистским ходом.

- Самостоятельная внешняя политика, не связанная со «старшим партнером». Исходя из этого, великой державой может считаться Китай, но не Япония, внешняя политика которой остается привязанной к внешней политике США. В ЕС нет великих держав, поскольку сама концепция такого союза подразумевает их отсутствие. На роль великих держав могут претендовать Бразилия, Индия, Россия. Но по признаку самостоятельности внешней политики США сейчас может рассматриваться большей, чем просто великая держав, а, скорее, как первая среди равных.

Очевидно, что перечисленные подходы существенно различаются и дают несхожие перечни великих держав. Попытки научного определения критериев великой державы единичны. Так, основатель неореализма К. Уолтц выделял 5 признаков великой державы: территория и население, наличие природных ресурсов, развитая экономика, стабильная политическая система и военная сила⁹. В контексте проблематики уместно рассмотреть, куда и как развивались представления о составе клуба «великих держав».

Происхождение великих держав.

Вопрос о путях достижения величия государства в истории не нов. Круг «великих держав» постоянно изменяется в ходе исторического развития (См. табл. 1). Строго говоря, до эпохи Модерна великих держав не существовало, т.к. средства транспорта и связи не позволяли распространить влияние отдельного государства на все другие регионы мира. Однако в пределах так называемой ойкумены, т.е. мира, известного обитателям данного региона, великие державы, конечно, были.

После второй мировой войны «великими державами» стали считаться постоянные члены Совета Безопасности ООН: СССР, США, Великобритания, Франция и Китай. Устав ООН возлагает на эти страны главную ответственность за поддержание мира и всеобщей безопасности.

Табл.1 Великие державы по периодам

1815 — 1870	1870 — 1918	1918—1945	1945—1991	1991-наст. вр.
Россия	Россия	СССР	СССР	Россия
Британия	Британия	Британия	Великобритания	США
Франция	Франция	Франция	Франция	Китай
Пруссия	Германия	Германия	США	
Австрия	Австро-Венгрия	США	Китай	
	США	Италия		
	Италия	Япония		
	Япония			

Однако история демонстрирует нам и то, что величия державы достигали разными способами. Крайние пути выражены в противостоянии крупных централизованных государств, ориентированных на военную агрессию (таких, как Персия или, в меньшей мере, Спарта) и развитых торговых держав, центров образования и культуры (в качестве классического примера можно привести союзы городов Древней Греции во главе с Афинами).

В наши дни мы наблюдаем, как молодые государства Африканского континента наращивают вооружение преимущественно по сравнению с медициной и образованием. В то же время страны с технократическим путем развития (экономика и вооружение в противовес развитию политических институтов - Китай) находятся в предкризисном состоянии. В свою очередь, экономически развитые государства с развитыми демократическими институтами

сталкиваются с необходимостью ответа на угрозу агрессии со стороны стран, выбравших путь утверждения в мире за счет военной силы. Кроме того, нельзя забывать о появляющихся новых угрозах, таких, как ухудшение экологии, международный терроризм, наркотрафик и др.

Стать сверхдержавой?

Соответствующий вопрос ставили исследователи во многих странах. Одновременно проводились попытки осмысления этого статуса, выявления его основных характеристик¹⁰. В России при наличии соответствующих внешнеполитических амбиций практически отсутствуют научные работы, всерьез анализирующие понятие и критерии великодержавности.

Интересно, что подавляющее большинство россиян не считает Россию великой державой - две трети респондентов полагают, что Россия не смогла сохранить этот, доставшийся ей от СССР, статус (66.8%). Кроме того, нет единства в интерпретации содержания этого понятия. Даже в рамках приводимой в таблице 2 упрощенной схемы опроса намечается различие ценностных подходов, первый из которых отражает идею первичности государства-левиафана, второй – приоритет благосостояния личности, которое государство должно обеспечивать согласно общественному договору.

Таблица 2. Что делает государство великой державой?¹¹

показатель	% голосов
Высокий уровень жизни	43,2
Развитая экономика	40,3
Мощная армия	38,8
Уважение других государств	22,7
Богатые природные ресурсы	22,2
Размер территории	19,5
Культура, передовая наука	17,3
Славное героическое прошлое	15,3
Сильная централизованная власть	13,8
Численность населения	13,5
Широкие демократические права и свободы	10,9

Разнообразие отношений и факторов, действующих в современном мире, размывает основы концепции великой державы, подчеркивая преходящий характер временных преимуществ и смену их значимости. Поэтому западные исследователи предпочитают вести речь не о «великих державах», а о крупных, определяя последние как небольшую группу государств, численность населения и потенциал ресурсов которых позволяют им оказывать влияние на глобальном уровне¹².

Существует ряд циклических теорий возникновения и развития великих держав в рамках глобального развития. В этом ракурсе многочисленные авторы (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А.Дж. Тойнби, Х. Ортега-и-Гассет, П.А. Сорокин, К. Ясперс, Ф. Бродель, Н.Д. Кондратьев, Л.Н. Гумилев, Ш.Н. Эйзенштадт, И.Валлерстайн) понятие держав, претендующих на лидерство и гегемонию, рассматривают с учетом процесса периодизации истории, смены технологий и иных факторов. В частности, Дж.Модельски и В.Томпсон¹³ говорят о «циклах лидерства». Смена таких циклов периодически изменяет структуру мирового политического устройства, способствуя возникновению новых великих держав и зон их влияния. В основе мирового лидерства, согласно данным авторам, лежат следующие факторы: мобильные военные силы, передовая экономика, открытое общество, реагирование на мировые проблемы при помощи нововведений. Однако вслед за подъемом и становлением государства-гегемона следует его постепенное падение.

В этой связи интересно попытаться проанализировать реальные издержки государств, претендующие называться великими или сверхдержавами. Поскольку рассуждать о преимуществах и недостатках того или иного вектора развития можно достаточно долго, мы сочли

целесообразным перейти от многочисленных умозрительных построений к анализу статистических данных. В качестве первого этапа работы мы попытались изучить гипотезу о взаимосвязи степени милитаризации страны с основными показателями ее развития.

Державность с точки зрения сравнительных преимуществ

Основной трудностью при проведении кросс-странового сравнительного исследования является составление базы данных. Масштабность задачи делает ее решение посильным только для исследовательских коллективов, обладающих значительными организационными, материальными и человеческими ресурсами. Поэтому мы пошли по пути использования уже имеющихся баз данных по странам, доступным из открытых источников. В число используемых показателей вошли как эмпирически измеряемые показатели, так и индикаторы, полученные путем экспертных оценок или агрегирования ряда индексов. В общей сложности полученная база данных, на основе которой проводился анализ статистических закономерностей, составила более 100 показателей.

В число индикаторов вошли показатели социального развития из базы данных ООН. Отдельную группу показателей составили шесть измерений государственности по данным всемирного банка¹⁴: право голоса и избирательные цензы, политическая стабильность, эффективность государства, качество управления, законность и контроль над коррупцией. Альтернативный индекс государственности, включенный в базу данных по странам, составлен группой исследователей МГИМО в рамках проекта «Политический атлас современности»¹⁵. Дополнительными показателями, которые мы использовали, стали оценки военных расходов, численности войск (по данным СИПРИ), а также глобальный индекс мира – попытка измерить, насколько различные страны можно назвать мирными. Он измеряется журналом «The Economist»¹⁶, в рамках международного комитета экспертов по миру из различных исследовательских институтов в сотрудничестве с центром по изучению мира и конфликтов Сиднейского университета.

В качестве первого приближения к результатам обработки, тесно связанным с силовой интерпретацией понятия «великой державы», мы попытались оценить влияние на уровень милитаризации таких факторов, как размер территории, численность населения, валовой национальный продукт, уровень правовых отношений. Принципиальным являлся вопрос возможности построения единой нормативной модели для большой совокупности разнородных развитых стран с пяти материков, различающихся по экономическому развитию, имеющих разные политические режимы и традиции. В логарифмах выбранные нами переменные связываются регрессией с высоким коэффициентом множественной корреляции (равным 0.89). При этом в первую очередь как параметр выбирается логарифм народонаселения, а во вторую – логарифм ВВП на душу населения и лишь в третью и практически не значимую – логарифм территории.

При таком уровне адекватности мы вправе рассматривать уравнение как нормативное, причем, его компоненты связаны аллометрическими соотношениями, а само уравнение имеет вид производственной функции типа Кобба-Дугласа (рост вооружения равен произведению выбранных нами факторов, взятых в одинаковой и, притом, положительной степени).

Детальный анализ регрессионных остатков позволил выяснить интересное обстоятельство: отклонение логарифмов прогнозных значений от реальных может одним из путей классификаций стран по их отношению к вооружению. В частности, крайние значения (низкая милитаризация) с одной стороны показывает Исландия, а с другой (высокая милитаризация) с большим отрывом Северная Корея, Саудовская Аравия, Израиль, Австралия, Россия, Туркмения, Армения. В докладе приводится и анализируется графическое представление полученных результатов. Работа с обобщением разнообразных таблиц данных и рассмотрением в их свете различных социокультурных типологий стран мира нами только начата. Анализ изменений во времени и сопоставление результатов с известными картами Р. Инглхарта и российских исследователей может привести к еще более интересным результатам.

Подводя итог вышесказанному, можно сформулировать некоторые заключения. В ситуациях, когда решение проблем, стоящих перед обществом и государством, находилось в плоскости физического выживания, наиболее важной характеристикой была военная о сила страны и возможность длительно выносить вооруженные столкновения. В это время сформировалось понятие великой державы как страны, способной к подобным действиям. Начиная с момента, когда силовое решение международных проблем стало все чаще встречать консолидированный отпор против агрессора, понятие великой державы и мирового лидерство в мировом общественном мнении стало трансформироваться к представлению о государстве обеспечивающему не только вооруженную защиту граждан, но и гарантию их свободы и самореализации. Представляется возможным вести сравнение представлений о нормах вооружения и милитаризации в постсоветский период путем построения нормативной модели связи вооружения с другими характеристиками государства.

Все вышесказанное заставляет пристальнее рассматривать проблематику выбора национальных целей и крайне аккуратно подходить к таким вневременным иррациональным и плохо рационализируемым понятиям, как «великая держава», давно и устойчиво распространенных среди части общества.

=

1. Крупнов Ю.В. Стань мировой державой //Русский переплет, 16 сент. 2002.
2. По данным опроса, проведенного на радио «Эхо Москвы», менее трети проголосовавших (32%) поддержали тезис о том, что России нужно всеми силами стремиться быть великой державой, а 68% высказались против // Что такое сверхдержава? 25.01. 2007 <http://www.echo.msk.ru/programs/exit/49140/index.html>
3. Розов Н.С.Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? // Полис, 2006. № 2.
4. Рогинский А., Даниэль А. Обыватель - россиянин - подданный Великой Державы// ПолитРу. 17.08.2001
5. См., например: Аверин К.М. С чего начинается Родина? // Русский проект, вып. 1
6. Большой Юридический Словарь. М., «ИНФРА-М». 2006.
7. Taylor A.J.P. The Struggle for Mastery in Europe 1848-1918. Oxford. 1954. P. xxiv
8. Комлева Н.А. Баланс сил как циклический феномен. // Циклы. Материалы пятой Международной конференции. Том третий. Ставрополь, 2003.
9. Walz. K. Theory of International Politics. Reading, Mass.: Addison–Wesley Publishing Company. 1979. P. 131.
10. Gibbs L. Is the European Union Becoming a Geat Power? Sydney 2004; Dilip M. Swords and Ploughshares-India: The Fourth Great Power? // Arms Control, Disarmament, and International Security 1993. Vol. 7, No. 3.
11. Петросян Д.И., Свинцов И.Д. Российская идентичность в условиях трансформации: общенациональные черты и региональные особенности. Владимир, 2004.
12. Кайзер К. Взаимоотношения крупных держав в XXI веке // Россия в глобальной политике. 2007. №5
13. Modelski G., Thompson W. Leading Sectors and World Powers: The Coevolution of Global Politics and Economics. Columbia: University of South Carolina Press. 1995.
14. Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. Governance Matters V: Governance Indicators for 1996-2005 // World Bank Policy Research. September 2006.
- 15.Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Миронюк М.Г., Полунин Ю.А., Тимофеев И.Н. Опыт классификации стран// Полис. 2006. №3
16. Give peace a rating // The Economist, 2007, May 31.